

«МОЯ КНИГА»

- Книги для детей и взрослых
- Канцелярия в ассортименте,
- Подарочные издания, сувениры
- Краеведение, ретрооткрытки
- Наборы для детского творчества
- Развивающие игры.

Мы ждем Вас по адресам:

ул. Советская, д. 11
тел.: 8-900-495-79-35
ул. Ореховая, д. 7
тел.: 8 (4752) 58-31-61

Друзья!

Торговое предприятие «Моя книга» сегодня единственное в нашем регионе, которое реализует не только книги местных авторов, но и живописные работы — как начинающих, так и маститых художников. Кроме того, книжный магазин поддерживает по-своему уникальное издание «Рассказ — газету». Только здесь её можно приобрести. Причем совершенно бесплатно. Газета рассчитана на широкий круг читателей, но при этом она развивает художественный вкус, знакомит с новыми произведениями писателей, краеведов, культурологов, чье творчество так или иначе связано с Тамбовщиной.

www.m-kniga68.ru

РАССКАЗ- газета

№ 9 2017 г.

Издаётся с 1991 года

Главное

КНИГА О СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ

В конце 2016 года в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке имени А. С. Пушкина состоялась презентация книги искусствоведа Марины Климковой «Соборная площадь города Тамбов. Издание 2-е, дополненное», которая была приурочена к 380-летию основания областного центра. Книга имеет 400 страниц, черно-белые иллюстрации, цветную вкладку, твердый переплет, тираж 1000 экземпляров.

Продолжение темы на стр. 5.

Собственность издания типогр. П. С. Москалева. (копирование воспрещ.)

Открытки старинного Тамбова из частного собрания коллекционера Дмитрия Гнатюка.

Краеведение

ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ на открытках

Появление и распространение во второй половине XIX — начале XX века почтовой открытки — оформленного почтового бланка для открытых (без конвертов) писем — связано с особенностями эпохи: достижениями технического прогресса, развитием печатного дела и искусства фотографии, ростом городов и усовершенствованием системы почтового ведомства.

С момента появления в 1871 году открытка стала популярным предметом коллекционирования. Сегодня такие карточки хранятся в фондах государственных музеев, библиотек, архивов, в частных коллекциях.

Идея публикации серии книг «Тамбовская губерния на дореволюционных открытках» принадлежит тамбовскому коллекционеру Дмитрию Гнатюку, в частном собрании которого насчитывается около 2500 видовых карточек, увидевших свет до 1918 года. На открытках запечатлены виды Тамбова, Козлова, Липецка, Лебедяни, Усмани, Моршанска, Рассказова, Кирсанова, Шацка, Елатмы, Темникова, Кадома, Спасска, Борисоглебска и других пунктов. Отдельные карточки ранее публиковались в качестве иллюстраций краеведческих книг. Однако никогда ранее не осуществлялся проект по опубликованию видов всех основных населенных мест Тамбовской губернии, которая перестала существовать в 1928 году, войдя в состав Центрально-черноземной области (ЦФО), с 1937 года выделившись в самостоятельную Тамбовскую область. Часть территорий бывшей Тамбовской губернии отошла к Липецкой, Воронежской, Рязанской и Пензенской областям.

Продолжение темы на стр. 6—7

ЛИТЕРАТОРУ И ЖУРНАЛИСТУ ЕВГЕНИЮ ПИСАРЕВУ - 70 ЛЕТ!

“... из привычного зала ожидания тебя выгнали, от своего поезда ты отстал и греешься на незнакомом полустанке, где в кассе остались лишь билеты на «Титаник»”

Билет на «Митаник»

Интервью

Постоянному автору «Рассказ-газеты» журналисту и литератору Евгению Писареву в январе исполнилось 70 лет. И у редактора издания Олега Алёшина появился повод задать ему несколько вопросов «за жизнь», уточнить некоторые факты биографии.

- Насколько мне известно, вы не коренной тамбовчанин?

- В автобиографии, которая любом возрасте умещалась на одной странице, обычно пишу: родился в Азии, образование получил в Европе. И это святая правда: появился на свет на берегах Амура под городом Благовещенском, в школу пошёл в заполярной Кандалакше, что на Кольском полуострове, а филологический факультет педагогического института закончил в Тамбове.

- Далеко же вас забросила жизнь от «малой родины»!

- Понятие «малая родина» для меня размыто. Дальний Восток помню смутно, хотя память иногда выгаскивает удивительные детали. Отчётливо помню, как мама будит меня до рассвета, одевает в пальто, сшитое из японской трофейной шинели, и ведёт полусонного в очередь за мукой. На дворе зима, темень непроглядная. Метёт позёмка, где-то высоко на столбе позвякивает жестянка уличного фонаря. Муку дают по килограмму в руки, и я стою в очереди как «дополнительные руки». Отцу, офицеру советской армии, стоять в очереди положение не позволяет, брату рано утром в школу, поэтому отдуваться приходится мне. Очередь молчит, никто не ропщет. С рассветом магазин открывается, а ещё через час мы получаем два килограмма муки. Один из них - мой. Дома меня отправляют досыпать. Просыпаюсь поздним утром, покрытое инеем окно матово искрится от зимнего солнца. Отогреваю ладонью прозрачный островок и... Во всю проталину невозмутимая мохнатая морда верблюда, покрытая сосульками! На верблюде, на этом корабле пустыни, запряжённым в сани-розвальни, нам привезло дрова. Пожалуй, это было самое яркое впечатление детства.

- И какой это был год?

- Скорее всего, начало 1953 года. Смутно помню смерть Сталина. Когда объявили о кончине «отца народов», соседский мальчишка вернулся из школы зарёванным: «Вошь умер!» Мать прикрикнула на него: «Чего реवेशь? Умер Максим - и хрен с ним!».

Какой Максим? И какой хрен? С тех пор, наверное, во мне и укрепилось непочтительное отношение к конкретному вождю и к вождям в целом.

- И когда же вы покинули азиатскую часть нашей огромной страны?

- Осенью того же года. Это было долгое двухнедельное путешествие с восточной окраины СССР на европейский север. Помню, как на каком-то участке наводнением размыло железнодорожное полотно, и поезд несколько дней стоял в чистом поле. В первый же день пассажиры высыпали из вагонов и наладили лагерный быт: развели костры, наловили рыбы в оказавшемся поблизости озере, и даже устроили для детей банный день. Когда вода спала и аварийная команда подвела шпалы под размытые пути, поезд не спеша запыхтел по Транссибирской магистрали. Через Забайкалье, вдоль Байкала, где белым днём поезд с воем и грохотом влетал в туннель, погружая вагон во тьму, а через минуту-другую выныривал оттуда. По левую сторону крутой обрыв, у подножия плескался Байкал, а по пра-

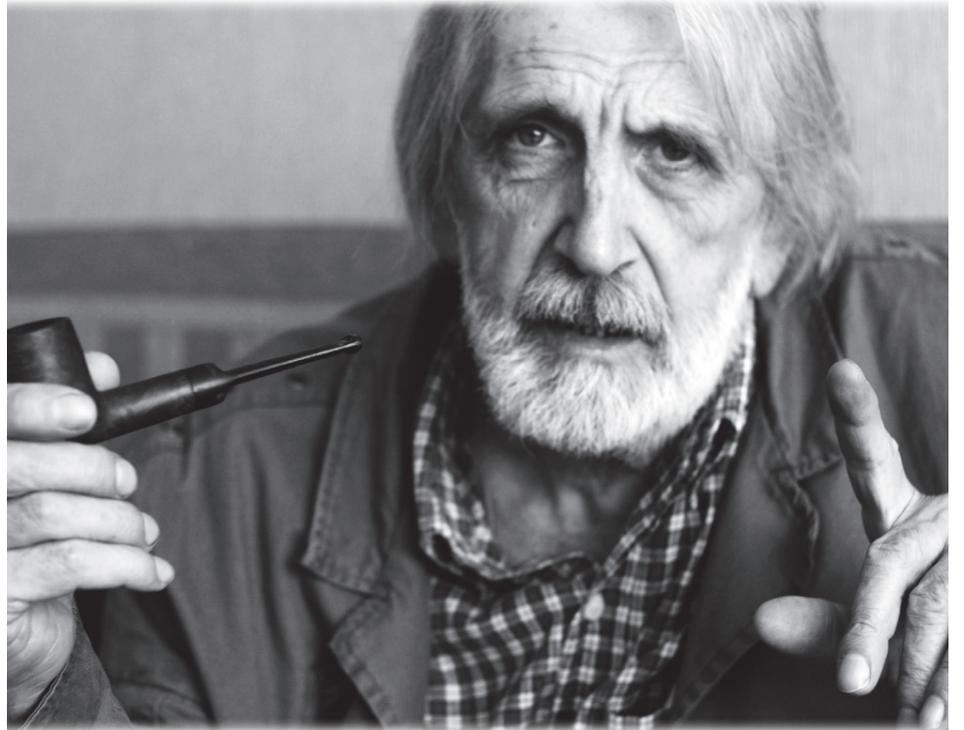
вую - отвесная скала. Жуть! В какой-то момент среди пассажиров зашелестел разговор: «Сейчас... Вот здесь... Где, где? Выше, выше смотрите...». Я тоже прильнул к окну и задрал голову. Вижу! Знакомый усатый профиль, покрытый седой изморозью, занимал всю верхнюю часть скалы. Пассажиры почему-то шепотом рассказывали, что профиль Сталина вырубил на скале заключенный, и при этом обморозил руки. Руки ему ампутировали, а самому заключенному за выполнение важного государственного заказа даровали свободу. Легенда преподносилась как пример мудрости и великодушия вождя к «врагу народа», который встал на путь исправления и осознал всю пагубность своей прошлой жизни. Не знаю, случилась ли эта история в реальности, но в 1964 году вышла повесть Андрея Алдана-Семёнова «Барельеф на скале», в которой она была использована. Только в книге дело происходило на Кольме, где мотал срок автор повести. Скорее всего, таких барельефов было несколько, и к каждому прилагалась своя легенда.

- Вам в пору писать путевые заметки...

- Так уже написал! Как-то наткнулся у Андрея Платонова на фразу «страшные пути железнодорожного сообщения», и сразу же вспомнил путь с Дальнего Востока на северо-западную окраину страны. Кошмарное слово «пересадка» надолго связывалось у меня с вокзальной толчеей, с ночлегом на чемоданах, с нищими, слонявшимися, как тени по залам ожидания, со страхом отстать от поезда. А полвека спустя «страшные пути железнодорожного сообщения» стали сквозным образом эссе «Зал ожидания». Позволю себе процитировать абзац оттуда. «Заплеванный, пропитанный специфическим запахом вокзальный зал ожидания легко представить огромной коммунальной квартирой размером с шестую часть суши. В углах копошатся и орут дети, в буфете спитой чай и зачерствелые пирожки с повидлом, кругом узлы, чемоданы, детские коляски, корыта, горшки. По проходам между дубовыми скамейками с вырезанными на спинках буквами «МПС», брезгливо отпихивая чемоданы, двигаются милиционеры, высматривая нарушителей общественного порядка. Высоко под потолком сквозь пыль слабо светит старорежимная роскошная люстра, со стен из золоченых рам загадочно мерцают портреты вождей-небожителей. Время от времени оживает громкоговоритель. Оттуда сквозь шипение пробиваются сводки то ли с полей, то ли с фронтов... На верхнем этаже вокзала в отдельном зале расположилась невидимая простым смертным элита. Говорят, что там отдельный буфет, чистые постели, вежливые, но такие же бдительные милиционеры. И все ждут поезда в завтра и грезят»

- Как я понимаю, зал ожидания — это образ страны?

- Как-то так. Но поезд счастья так и не пришел. Портреты вождей сняли, всем сказали: «Граждане, вы свободны!». Но граждане не расходятся. Тормошат дежурного, колотятся в справочное бюро, толпятся у дверей кабинета начальника вокзала. Они сжились с этим пространством и надеются, что по-

садку все-таки объявят. Мне кажется, что страна и по сей день живёт в зале ожидания...

- А когда у вас появился интерес к литературе?

- Неосознанно — в Заполярье. Там иной климат, другая природа, свой образ жизни. Поздней весной за ночь мелкие лужи вымерзают, тонкий ледок хрустит под ногами, как битые электрические лампочки. Художественность этого нехитрого сравнения поразила меня настолько, что в тот же день я написал первое в своей жизни стихотворение. Стихи забылись, но отчетливо помню восторг от вида зарифмованных строк. Восторг вызывали слова, их даже неловко было выводить на бумаге, макая перо в чернильницу-непроливашку, сделанную из темного бутылочного стекла. Крышу я рифмовал со звездами, землю с камнями, море с рыбой. Тогда же, опять же неосознанно, родилось ощущение, что писать стихи стыдно, и это ощущение живёт во мне и поныне. Но были и вполне осязаемы причины интереса. В отдельном батальоне связи, где командиром был мой отец, служил будущий знаменитый бард и настоящий поэт Юрий Визбор. Буквально при мне под гитару он сочинял свой очередной шедевр: «Радиограммы лист подписываю я, / я маленький радист с большого корабля...». Бард приbedнялся, маленьким он не был никогда, но радистом был точно - работал на полевой радиостанции Р-105. Корабли же в его судьбе появились позже. А однажды сержант Визбор меня чуть угробил...

- А подробнее можно?

- В ту пору мы слыхом не слыживали о восточных единоборствах, но знали про приемы самбо - самооборону без оружия. И я, конечно же, мечтал научиться бросать обидчиков через бедро, как это умел делать сержант Визбор. И однажды он показал мне приём «мельница». Перевернувшись в воздухе, я со всего маху грохнулся спиной на скудную каменистую почву Кольского полуострова. Белый свет стал чёрным, чёрный сошелся клином, небо - в овчинку. Когда очнулся и Юра убедился, что сын командира цел и невредим, он попросил меня не рассказывать отцу об этом драматическом эпизоде. Я страшно возмутился: да за кого ты меня принимаешь! Состоялся душевный разговор, после которого мы стали друзьями.

- В подростковом возрасте закла-

дывается не только характер, но и мировоззрение...

- Есть затертое выражение: все мы родом из детства. И с возрастом начинаешь понимать, что детские и юношеские впечатления - это питательная среда для литератора. Из той среды я вынес твердое убеждение, что мужчины - это те, кто носит военную форму, а все остальные - люди второго сорта. От детей железнодорожников, заводских рабочих, рыбаков мы держались особняком и немного их побаивались. Они нам отвечали тем же. Неприязнь, как сейчас понимаю, была социальной. Офицерские семьи материально жили намного лучше, чем семьи местных жителей. Среди гражданского населения Кандалакши, как я сейчас понимаю, было немало ссыльных и детей бывших «врагов народа». Да и учителя в школе были странные. Рисование у нас вел профессиональный одноглазый художник, осевший в Кандалакше после ГУЛАГа. Во время урока он рисовал на доске злые шаржи на нас и своих коллег, не стеснялся в выражениях по поводу педагогических нововведений тех лет. Мы были в восторге от своего учителя, хотя и побаивались его крутого нрава - он мог запросто дать по шее или выкинуть из класса как щенка. Схватить одной рукой за шиворот, другой за штаны и - «летите, голуби, летите».

А ботанику вёл, как сейчас понимаю, вейсманист-морганист, сосланный в Заполярье на перевоспитание. Наверное, космополит безродный. Звали его, кажется, Натан Николаевич. На уроках он сбивался на академические темы и очень сердился, когда обнаруживал, что мы страшно далеки от его научных воззрений. Все остальное время он проводил на пришкольном участке и в теплице, где выращивал южные овощи, ставил опыты с картофелем сорта «Имандра», приспособивая его к заполярным условиям.

- И всё-таки - каким образом человек с литературными склонностями становится журналистом?

- Серьезных амбиций заняться литературой у меня никогда не было, но однажды уже в Тамбове я принёс свои стихи в редакцию газеты «Комсомольское знамя». Поэтическое творчество в молодёжке шло по отделу пропаганды, и я попал в лапы заведующего отделом

Продолжение на стр. 3.

Александра Нищева. Он полистал мою тетрадку, почесал затылок, закурил. И отрецензировал рукопись в том смысле, что такого добра у них навалом. При чем слово «добро», судя по интонации, он употребил в каком-то нехорошем значении. И сказал, что нашей дорогой редакции требуется другое. Дал свежий номер, где шла дискуссия на молодежную тему, и попросил тут же написать отклик, да позабористей...

- И о чем же спорила молодежь в начале 60-х годов?

- Честно говоря, не помню. Вроде бы, что делать Саше, если он любит Катю, а Катя любит Юру. Написал я в том смысле, что Саше следует набить морду Юре, а дура Катке прямым текстом сказать, что она дура. Ну и всякие размышления на эту злободневную, как считали в редакции, тему. Нищев прочитал, хмыкнул, сказал «годится», и я покинул кабинет. Дня через два моё письмо-отклик напечатали под рубрикой «Письма спорят» с редакционным комментарием, в котором старшие товарищи осудили меня за вульгарный подход к решению проблемы взаимоотношений юношей и девушек. К такому повороту дискуссии я не был готов. А через неделю получил за свой позор денежный перевод на 4 рубля 62 копейки - свой первый гонорар. С того момента и началась моя карьера профессионального журналиста - от заводской многотиражки до федеральной «Российской газеты». А с литературным творчеством я надолго завязал.

- Тем не менее, вы печатались в коллективных сборниках, издавали книги. Да и не опубликованных рукописей, насколько мне известно, немало...

- Книжки, в основном, очерковые. В 1999 году после смерти поэта Евгения Харланова счёл своим долгом издать роман-сказку «Брусничный дождь», который мы сочинили вместе с ним. Позже, когда издал под псевдонимом фантастический роман-конспект «Завтра может и не быть», понял, что такого рода литература сочиняется легко. Издал даже шутивную кулинарную книжку «Фрикасе из топора» - краткое пособие по полевой экстремальной кулинарии. На удивление она имела потрясающий успех среди друзей. Затем написал ещё несколько коротких повестей в том же духе, документальную публицистическую книгу «Волчьи ягоды» но, помня, что «писать стихи стыдно», публиковать их не собираюсь. К тому же всегда задаю себе вопрос: кому это надо? Книжные магазины завалены самиздатской невостребованной литературой, причём не самой худшей, и пополнять мёртвые развалы своими творениями не хочется.

- Страна перманентно живет в переходном периоде, но что-то, на ваш взгляд, отстоялось?

Образ нынешнего времени в массовом сознании уже сформировался, принял монументальные формы, поэтому любые попытки внести в него коррективы, обречены на провал. На этом фоне меня поражают приступы ностальгии у своих сверстников. Они буквально опрокинуты в прошлое, нередко на уровне газировки по три копейки. Понимаю, что они вспоминают время своей молодости, но по сути переживают фантомную эйфорию. Они болезненно, до истерики воспринимают попытки разрушить мифы, вернуть сознание в рациональное русло. Фантастическое время! Не покидает ощущение, что из привычного зала ожидания тебя выгнали, от своего поезда ты отстал и грешься на незнакомом полустанке, где в кассе остались лишь билеты на «Титаник».

Каждый год знаменателен каким-то выдающимся событием, и даже не одним. Не является исключением и наступивший 2017 год. Безусловно, он запомнится 100-летием Великой Октябрьской социалистической революции. И как бы кто ни относился к ней, дата будет отмечаться на самом высоком уровне, ибо это наша история..

Немаловажен тот факт, что три тамбовских писателя являются ровесниками революции. Они родились в разное время, но в один год - 1917-й: драматург Николай Архангельский (5 января), поэты Сергей Голованов (8 ноября) и Герасим Приземлин (4 декабря). Архангельский и Голованов - участники Великой Отечественной войны; Приземлин не был на фронте, так как в 18 лет потерял зрение после болезни. Но он, как и его ровесники, нашёл своё место в литературном строю послевоенной жизни.

Произведения этих писателей и в наше время востребованы читателями. И, конечно, на вечерах, которые будут проводиться в честь их знаменательных юбилеев и в память о них, придёт немало тех, кто неравнодушен к литературе, к людям, сделавшим немало для её развития на Тамбовской земле...

Важнейшее событие наступившего года - 80-летие со дня образования Тамбовской области. И у неё среди наших писателей есть три ровесника, родившиеся в 1937 году: прозаик Василий Кравченко (18 мая), поэты Анатолий Куприн (11 января) и Вячеслав Богданов (24 сентября). Они оставили заметный след в литературной жизни не только Тамбовской области, но и России: их книги выходили в Тамбове, Воронеже, Челябинске, Москве. Они есть в библиотеках нашего региона и далеко за его пределами...

24 июля писательская организация от-

Писатели-юбиляры 2017

метит 90-летие со дня рождения прозаика Ивана Елегечева. Он ушёл из жизни в 2011 году, но многие помнят его как необыкновенно трудолюбивого и плодовитого писателя, создавшего исторические романы «Губернатор», «Соломенный дворец», «Что есть истина», «Голгофа» и многие другие, которые пополнили библиотеки и стали значительным вкладом в историю России...

Не останется незамеченным и юбилей поэта, прозаика, переводчика, доктора филологических наук Владимира Георгиевича Руделёва. Ему 8 июля исполнится 85 лет. Он долгие годы работал в ТППИ - ТГУ имени Г. Р. Державина, заведовал кафедрой русского языка, выпустил несколько художественных книг и научных исследований...

Солидные юбилеи (75-летие) отметят в этом году ныне живущие члены Союза писателей России: Иван Акулов (15 января), Лариса Полякова (10 февраля) и Лидия Перцева (3 августа). Не пропустят любители поэзии и 75-летие Евгения Харланова (29 ноября), ушедшего из жизни в 1993 году, и 70-летие Владимира Чернышёва (29 августа), скончавшегося в 2005 году, оставивших не очень мно-

го опубликованных произведений, но они, как говорится, прошли проверку временем и остаются современными и востребованными, как отмеченные безусловным даром их авторов...

Готовятся к изданию книги ещё трёх юбиляров, отмечающих в этом году 60-летие, - прозаика Сергея Кочукова (9 июня), поэтов Валерия Хворова (13 июня) и Геннадия Шеховцова (29 декабря). Их произведения публикуются на страницах местной прессы, в «Тамбовском альманахе».

Новому председателю правления Тамбовской областной писательской организации прозаику Юрию Мецнерякову 25 мая исполнится 55 лет; столько же - актёру и драматургу Андрею Кружнову (25 февраля)...

С Тамбовским краем связано немало значительных личностей литераторов, юбилеи которых также будут отмечаться в 2017 году: 125-летие поэта Марины Цветаевой (9 октября), 120-летие журналиста и писателя Семёна Евгенова (14 февраля), 125-летие писателя Константина Федина (24 февраля), 85-летие краеведа Владимира Пешкова (23 апреля) и многих других...

Кстати

35 лет отметит областное литературное объединение «Радуга», созданное в 1982 году поэтом Семёном Семёновичем Милосердовым, который руководил им до последних дней своей жизни - до 1988 года. После его кончины в разные годы занятия в «Радуге» вели: Василий Кравченко, Геннадий Попов, Евстахий Начас, Олег Алёшин. В настоящее время объединением руководит член Союза писателей России поэтесса Татьяна Курбатова. В «Радуге» занимались ставшие профессиональными писателями Зинаида Королёва, Лидия Перцева, многие поэты и прозаики, имеющие по одной и более изданных книг, готовые пополнить ряды областной писательской организации.

Любопытно

С 1992 года в ТГУ имени Г. Р. Державина, по инициативе профессора Л. В. Поляковой и коллектива кафедры истории русской литературы, проводятся Замятинские чтения, которым в 2017 году исполняется 25 лет. Они посвящены творчеству писателя Е. И. Замятина. Имеют статус международных. В них принимают участие исследователи из крупных научных центров России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Молдавии, Болгарии, Польши, Чехии, Германии, Швейцарии, Франции, Великобритании, США, Японии, Кореи. По итогам чтений был создан Научный фонд Е. И. Замятина, с конца 2001 года - Международный научный центр изучения творческого наследия Е. И. Замятина, с филиалами в Ягеллонском (Краков, Польша) и Лозаннском (Швейцария) университетах. Замятинский фонд является собранием ценных в научном и историко-культурном отношении документов, фотографий, исследований, в том числе диссертационных, художественных и публицистических произведений. С материалами центра работают российские и зарубежные исследователи. Курирует работу фонда профессор Л. В. Полякова

В тему

В 2017 году исполняется 55 лет Неделям поэзии, начало которым положил проведённый в 1962 году в Тамбове литературный праздник. В нём приняли участие местные литераторы, московские поэты Василий Журавлёв (инициатор проведения этого поэтического праздника именно в Тамбове), Игорь Кобзев, Алексей Марков, Вячеслав Богданов. В Тамбовском книжном издательстве был выпущен коллективный сборник стихов «Тамбовская Неделя поэзии».

В 1967 году в Неделе поэзии принимал участие известный поэт В. Д. Фёдоров. В последующие годы в Тамбов приезжали поэты Маргарита Агашина, Людмила Щипахина, Александр Николаев, Фёдор Сухов, Тамара Жирмунская, Александр Балин, Борис Примеров и другие. До начала 1980-х годов Недели поэзии проводились регулярно. В настоящее время они, к сожалению, не проводятся. Их в какой-то мере заменили Фестивали книги, которые проходят в Тамбовской области с 2007 года с участием московских, Санкт-Петербургских и тамбовских писателей.

материал
полосы подготовила

**ВАЛЕНТИНА
ДОРОЖКИНА**

поэт, прозаик, журналист, краевед. Автор более тридцати книг стихов, прозы, публицистики. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры РФ. Окончила филологический факультет ТППИ, работала учителем в сельской школе, корректором в типографии, заместителем ответственного секретаря газеты «Тамбовская правда» («Тамбовская жизнь»), старшим редактором Тамбовского отделения Центрально-Чернозёмного книжного издательства. Более тридцати лет руководит литературно-творческим объединением «Тропинка» Областной детской библиотеки.

СЛОВО МОЛОДЫМ

Часто на Литературных фуршетах в книжном магазине на Советской, II бывают учащиеся лица №21 областного центра - авторы лицейской газеты «Мудрая сова». Редактор издания Ольга Викторовна Фомичева. На одном из недавних Литературных фуршетов ребята порадовали собравшихся своим творчеством. Думаю, что рубрика «Проба пера» станет отныне постоянной в «Рассказ - газете».

Вместо предисловия

Детство - это время, когда мы прячем выпавшие зубы под подушку, пишем письма Деду Морозу и любим сказки. Мне кажется, что детство - это и есть сказка. Мы мечтаем ежесекундно, нет переживаний и забот по поводу внешнего вида и мнения окружающих. Дети - самые любопытные люди в мире. Есть маленькие взрослые, а есть малыши, размышляющие как двадцатилетние. Мы тоже дети. Но когда нам исполняется шестнадцать, то беззаботные непоседы совсем исчезают. Мы уже не думаем: «Почему небо голубое?» и не догоняем свою тень. Мы больше теряемся в Интернете. Меньше общаемся с родителями. Делая глупые поступки, считаем, что мы большие. Когда мои сверстники говорят о мультиках для малышей или думают, что они «единорожки», в моём сознании появляется улыбка.

Ещё не всё потеряно. Мы всё ещё дети. Беззаботно бегаем по коридорам, играя в догонялки. Некоторые, прижавшись к стене, смотрят с друзьями «Фиксиков». Взрослые часто возмущаются нашим поведением, но они забыли, кто нас воспитал. Самые большие оптимисты — это дети. Они смеются от того, что светит солнце. Они улыбаются потому, что дождик промочил их до нитки. Кем бы мы себя ни считали, какими бы мы ни были для самых важных людей на земле, родители всегда будут считать нас маленькими. Для них мы всё ещё те малыши, которые бегут измазанные в краске и кричат: «Мама, я тебе отклятьку нарисовала».

Екатерина Орлова

Юрина Анна

Вечером, в понедельник

Возвращаясь с работы, я попала под сильный ливень. Накрыв голову своей сумкой, я решила не рисковать и переждать дождь в кафе с небогатым меню, но очень уютным залом с камином и креслами-качалками.

Для вечера понедельника в «Реверансе» собралось слишком много народу, что очень неприятно для этого тихого, никогда не собирающего столько посетителей, местечка. Отряхнувшись от дождевых капель, я нашла единственный свободный столик в конце зала около окна, к которому сразу же и направилась.

Ко мне подбежала молодая официантка, совсем выбившаяся из сил, и подала клетчатый плед красного цвета. Сделав заказ, я достала из сумки книгу и погрузилась в чтение в ожидании горячего напитка.

Но вот ко мне подошла она — молодая девушка с двумя светлыми косичками длиной до плеч, в насквозь мокрым плаще, но сияющими глазами. Я позволила ей присесть рядом со мной, потому что свободных мест больше не оказалось.

— Каковы на вкус шоколадные конфеты? — вдруг сказала незнакомка, кутаясь в плед, который ей тотчас принесли.

— Простите, что? — я посмотрела на нее поверх книжных листов.

— Шоколадные конфеты. Какие они? — с невинной улыбкой пере-

спросила она меня.

Увидев мою реакцию, она добавила:

«Со мной все хорошо, я просто хочу с вами поговорить».

Я посчитала ее довольно забавной и решила поддержать общение:

— Они очень вкусные. Особенно я люблю трюфели, потому что...

— Нет, я не спрашиваю, какие они. Я спрашиваю, какой вкус они имеют? — прервала она меня.

— Я вас не понимаю, что вы такое говорите? — спросила я, отложив книгу на край стола.

Она лишь загадочно улыбнулась и продолжила после некоторой паузы.

— Как давно вы бегали за своей тенью?

— Тенью? Я что маленький ребенок заниматься такими глупостями?

Она уже начинала выводить меня из себя своими глупыми вопросами. Моя собеседница нахмурилась и отвернулась от меня к окну. Мы надолго замолчали. Не разговаривали мы и после того, как она доела свой десерт, ожидая официанта, чтобы расплатиться с ним. И только после того, как она собралась уходить, произнесла: «А к звукам улицы вы хотя бы прислушиваетесь?» Вслушиваясь ли вы в плач магазинных вывесок, которые скрипят день ото дня? А замечали ли вы, как

возмущается старая скамейка, на которую вы садитесь?»

Встретив мой недоуменный взгляд, она разочарованно и тихо добавила:

«Неужели вы даже не собираете осенние листья, чтобы сохранить этот букет вплоть до самого конца зимы?»

— Так зачем же это надо? — недоуменно спросила я. — В чем же смысл всех этих занятий?»

— Когда я вошла сюда, то подумала, что среди всех этих людей, которые стараются перекричать друг друга, хвастаясь обновлениями, рассказывающих до жути скучные истории о своих дорогих приключениях, вы — самая счастливая, — вздохнула она, — потому что вы не кричите о своих радостях, вы их собираете, чтобы однажды вдоволь ими насытиться. Но, кажется, я ошиблась. Вы забыли, что счастье надо пробовать ежедневно, чтобы однажды не забыть его вкус. Простите, если я вас отвлекла.

И она ушла, оставив меня наедине с моими мыслями. В скором времени я тоже покинула кафе. Ветер сорвал с дерева листья и нежно опустил их на землю. Я аккуратно подобрала золотой лист, словно он мог исчезнуть от моих прикосновений, и направилась домой, всматриваясь в мельчайшие детали, чтобы как можно дольше сохранить их в памяти...

Дом Асеева

Сгущаются лунные тени,
И сумерки ветер колышет.
Мое измеренье не третье,
А где-то немного повыше.

Молчат геометрий модели-
Ступени. Там - дети,
По мраморной лестнице - выше!
Столетье застыло в модерне...
Спят дети! Пожалуйста, тише!

НЕ верю, что умерло время-
Туманами прошлое дышит.
Жуки-скарабей в ливрях
Хозяина голос не слышат.

Монгольские лики на двери
Порталы времен охраняют.
И где тайники и богатства,
Никто никогда не узнает.

МАЙКА
ЛУНЕВСКАЯ

Родилась в 1988 году. Автор книг «Зерно» и «Полоса отчуждения». Произведения публиковались в журналах «Дети Ра», «Южное сияние», «Кольцо А», региональных альманахах и сборниках. Живёт в Тамбове. Работает юристом. Реализует свои творческие идеи в музыкальном коллективе «Красный смех».

* * *

Облако, дерево, сад.
Дети: сестра и я.
Вниз головой висят
вишни. У воробья
косточки вместо глаз.
Птичка в моих руках,
не улетай сейчас,
не умирай пока.

* * *

Пробелы, звёздочки, решётки -
так пишет снег.
И лунки ноликов нечётких
стоят на Дне.

Монастырей и колоколен
не избежим.
Неровный почерк стал спокоен,
слабей нажим.

Идём на мост, Тамбов оттуда
почти красив.
Так правит снег «ничуть» на «чудо»,
вообрази.

* * *
Ж. Ж.

из слов возникает слово
(как блоки из облаков)
смыкается сон и совы
и кажется что легко

начнут (как драка в дурке)
движеньем простым одним
палымым спиртом звуки
чей пламень не восполним

* * *

ДК, декабрь, готовим чудо,
заранее известен Дед Мороз,
его халат и посох в раздевалке.
Программа праздника длиной от «Белых роз»
до «Кабы не было зимы». Бумажный ангел,

снежинок рой, а ножницы одни.
Стерильная на белых нитках вата,
подвешенная в стынущем фойе.
Разучены слова и мне не надо
подглядывать в бумажку в рукаве.

Всех зрителей - соседи и соседки,
заявшие примерно четверть зала,
приехавшая чья-нибудь родня.

Хрипи баян, чтоб музыка звучала,
чтоб ангел этот праздник охранял.

Чаепитие

Пузырилась марля от ветра
в раскрытой фортке.
На стуле лежала газета,
и посередке
стояли железные кружки, индийский чай.
Ещё были сухие, твёрдые калачи.
Эмалированный чайник, вскипая, почти кричал,
и я слышал Фа, как кричит
дедушка, чтобы кто-нибудь выключил газ.
Входила бабушка во фланелевом синем халате,
такого же цвета, как цвет её тихих глаз —
цвет сгоревшего неба. Но стойте, дайте
вспомнить всё это, любую мелочь, детали,
подвешенные к потолку качели,
на которых мы с сестрой по очереди летали,
жизнь, в которой по очереди взрослели.

Главное

Книга о Соборной Площади

I

В русских городах сохраняются исторические площади, которые назывались Соборными — по располагавшимся на них соборным церквям. Они являлись главным местом сбора горожан в дни радости и печали — на них отмечались главные праздники, а воины уходили отсюда на поле брани. Есть такая площадь и в Тамбове. Она находится в исторической части города — там, где когда-то стоял крепостной кремль. Сегодня на площади располагаются каменный Спасо-Преображенский собор, заложенный святителем Питиримом Тамбовским, колокольня, восстановленная в память войны 1812 года, и мемориал «Вечная слава» (Вечный огонь), посвященный подвигу тамбовчан в Великой Отечественной войне.

Об истории сложения главной площади рассказывается в книге Марины Климовой «Соборная площадь города Тамбова», первое издание которой тиражом 300 экземпляров увидело свет в 2011 году. Через пять лет, в конце 2016 года, на частные средства вышло второе издание, исправленное и дополненное, увеличившееся на 50 страниц.

При работе над книгой автор изучал материалы по градостроительству, истории архитектуры и культуры. Новые сведения черпались, главным образом, из документов Государственного архива Тамбовской области, который в части дореволюционной истории пока мало исследован. Из архивных источников, например, стало известно, что в разное время площадь близ Спасо-Преображенского собора называлась по-разному: в конце XVIII века — Наместнической или Дворцовой, после Отечественной войны 1812 года — Соборной, с 1914 года Питиримовской, с 1918 года — Октябрьской. Сегодня она вернула одно из дореволюционных названий и стала опять называться Соборной.

Во время написания книги автором был обнаружен архивный документ конца XVIII века, который свидетельствует, что тамбовская летопись, рассказывающая о начальных страницах истории крепости, хранилась в Спасо-Преображенском соборе. В архивном источнике говорится, что в августе 1791 года императрица Екатерина II издала указ, которым повелевала Святейшему Синоду для изучения истории государства собрать древние рукописи и старинные книги, хранившиеся в монастырских и церковных библиотеках. Благодаря указу в тамбовском соборе была найдена уникальная летопись, лежавшая в Синодике. С этой летописи были сделаны списки (копии), которые сохранялись в церквях и монастырях.

Помимо архивных документов, важнейшим источником изучения прошлого являются результаты археологических исследований. Ранее считалось, что на Соборной площади в разное время существовало лишь два Спасо-Преображенских собора — деревянный, который был возведен при основании города-крепости в 1636 году, и сохранившийся поныне каменный, который заложил святитель Питирим в 1694-м. Однако в 2011 году во время археологических раскопок, проводившихся на Соборной площади для обнаружения фундамента колокольни (снесена в 1930 году), были открыты фрагменты основания еще одного деревянного собора. Он был построен сразу после учреждения в 1682 году Тамбовской епархии. Кроме того были найдены части дорогостоящих изразцов соборных печей, изготовленных в Москве.

Интересен факт того, что каменный Спасо-Преображенский собор святитель Питирим заложил, но при жизни не смог достроить. Произошло это из-за начавшихся Азовских походов молодого царя Петра Алексеевича. Оказалось,

что Церковь в ту пору была вынуждена направлять средства не на строительство храмов, а на возведение кораблей-галер для флота. Перед первым Азовским походом 1695 года русские войска концентрировались в двух пунктах — в Москве и тамбовской крепости. Из Тамбова на Азов вышел авангард под предводительством устроителя армии Петра I — Патрика Гордона.

II

С Тамбовом был связан поэт и государственный деятель Гаврила Романович Державин, занимавший в 1785—1788 годах пост правителя Тамбовского наместничества. Сегодня он более известен как учредитель в Тамбове народного училища, типографии, первой провинциальной газеты «Тамбовские известия», театра, а его градостроительная деятельность остается вне поля зрения исследователей. Между тем в архиве, в строительном фонде, сохраняются документы с автографами Державина, которые характеризуют его с незнакомой нам стороны. Главной задачей наместника тогда была перепланировка Тамбова по регулярному плану, утвержденному в 1781 году Екатериной II, и построение в центре города каменного квартала с домами генерал-губернатора, губернатора, присутственных мест и других. Для этих целей Державин составил и утвердил правила застройки населенного места, построил кирпичный завод, организовал заготовку и доставку в Тамбов строительных материалов — камня, извести, дерева. Из-за начавшейся русско-турецкой войны и отставки Державину не удалось начать активное строительство в административном центре; он смог возвести лишь Московскую заставу и важнейший стратегический объект — каменный мост через Студенец (действует до сих пор на улице Советской). Однако труды Державина не пропали даром: благодаря кирпичному заводу, кирпич в Тамбове, согласно архивным документам, стал дешевле дерева, что способствовало каменному строительству, а город стал развиваться с использованием правил застройки поэта-наместника.

Об этом и о многом другом расска-

зывается в книге «Соборная площадь города Тамбова», в которой приводятся планы центральной части города разных веков, рассказывается об изменениях, происходивших здесь, и людях, связанных со строительством. Поскольку территория исторической площади на рубеже XVIII—XIX веков простиралась почти от реки Студенца до современной улицы Коммунальной, соперничая размерами с Дворцовой площадью Санкт-Петербурга, то в книгу вошли материалы из истории строительства зданий, возведенных здесь в XIX столетии: дома губернатора, гостиницы двора, присутственных мест, Носовской богадельни, Александринского института.

В качестве дополнения в издании 2016 года опубликован уникальный архивный документ 1789 года, в котором дается описание всех казенных (государственных) построек Тамбова: домов генерал-губернатора, губернатора, казначейства, народного училища, полиции, каменного моста через Студенец, соляных амбаров, кабаков и других построек. Любопытно, что здание театра в этой описи не упоминается, а, значит, его в то время не было.

Опись городских строений настолько подробная, что в ней указываются размеры зданий и даже цвет стен в интерьерах комнат. К примеру, говорится, что в губернаторском доме, в котором жил Державин, в зале использовалась побелка, в передней и спальне обои были зелеными, в малой гостиной — голубыми. В описании дома упоминаются четыре «музыкантских комнаты». Видимо, именно в них располагались музыкальные классы, которые учредил Державин и о которых он пишет в своих воспоминаниях.

В новое издание вошли дополнительные иллюстрации, в том числе многие уникальные фотографии из частных коллекций.

Книга Марины Климовой «Соборная площадь города Тамбова. Издание 2-е, дополненное» будет интересна специалистам в области архитектуры и градостроительства, искусствоведам и культурологам, знатокам и любителям истории областного центра.

Иван Ломовцев.

ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Начало на стр. 1.

на открытках

жит карточка с видом зданий реального училища и женской гимназии на улице Большой (ныне Советская), на штемпеле которой стоит более ранняя дата — 18 января 1900 года. Она воспроизведена тамбовским издателем И.Ф. Зотовым в Москве, в фототипии «Шерер, Наболец и Ко», что свидетельствует о появлении ее на свет в 1899 году. Эта открытка была отправлена из Тамбова в Моршанск Алексею Попову, представителю известной купеческой династии, сыну директора Моршанского банка Максимилиана Исидоровича Попова.

Основы печати в Тамбове, без которых не могли появиться открытки, заложены правителем Тамбовского наместничества Гаврилой Державиным, который в 1787 году открыл здесь «вольную» типографию. Впоследствии печатное дело развивали губернское правление, Тамбовская палата государственных имуществ, губернское земство, частные лица.

С 1858 года в Тамбове стали появляться новые частные печатные заведения. Первым тогда учредил литографию государственный крестьянин Воронежской губернии Павел Мукосеев. В конце XIX века его печатное дело приобрели мещане — моршанский Федор Пригорин и шацкий Николай Бердонос. 2 января 1899 года они открыли типолитографию, которая располагалась в доме Жаркова на углу улиц Большой (Советская) и Дубовой (Комсомольская), занимая два этажа.

В 1903 году к издательскому делу Пригорина и Бердоносова присоединился моршанский купец Михаил Прокофьев, что позволило создать новое объединение с общим капиталом более

38 тысяч рублей — торговое товарищество «Торговый Дом печатного дела и торговли Н. Бердонос, Ф. Пригорин и Ко». Торговый дом стал крупным тамбовским издателем открыток с видами губернского центра. Однако он не имел возможности качественно печатать изображения в своей типолитографии, поэтому заказывал продукцию в Швеции — в Стокгольме в фирме «Эрнст Г. Сванстрем».

К 1899 году в Тамбове существовало несколько частных заведений, зарабатывавших на продаже открытых писем. Среди них были магазины и типографии И.Ф. Зотова, П.С. Москалева, А.Н. Васильева. К издательской деятельности и продаже открыток вскоре присоединились аптеки и аптекарские магазины, среди которых были магазины М.А. Шеранюшера и В.Ф. Смурьгина, аптекарский магазин Б.С. Боровского, аптека А.А. Лана.

Открытие типографий было невозможно без приобретения множительной техники, что контролировалось Министерством внутренних дел. Покупка типографской машины сначала должна была получить разрешение губернатора, который предварительно запрашивал сведения о просителе у полицмейстера, потом факт приобретения фиксировался на складе, а информация об этом посылалась в ту губернию, куда станок поставлялся.

Любопытно, что усовершенствование печатной техники послужило появлению в Тамбове в 1908 году первой электрической станции. Для улучшения качества продукции губернская и другие типографии получили возможность приобретать импортные станки, работавшие от электричества. Об этом писал в воспоминаниях Н.А. Муратов, который в 1906 году получил должность тамбовского губернатора: «Через 1 □ года на типографские суммы была устроена электрическая станция, дававшая энергию и свет типографии, и свет присутственным местам, и дому, и некоторым магазинам. Плата была высокая, и к казенным «на освещение» мне приходилось приплачивать; станция себя вполне окупала».

Открытки с видами Тамбова

Появление и распространение видовых открыток напрямую связано со становлением в стране и мире понятия «памятник истории и культуры», когда

Издание серии книг «Тамбовская губерния на дореволюционных открытках» начнется в 2017 году — в год 80-летия Тамбовской области. Она будет состоять из трех томов, составленных по территориальному принципу. Смысловой акцент сделан на историю наиболее развитых культурных центров, особенность градостроительства, памятники архитектуры, истории и природы, важные общественные события.

Первый том серии — «Тамбов и окрестности» — подготовлен к печати в год 380-летия основания города-крепости и будет издан в нынешнем году. Он имеет форму кратких очерков, основанных на архивных источниках, которые будут публиковаться впервые. Книга имеет приложение — сводный каталог видовых открыток, разобранный по издателю, с кратким описанием. Некоторые карточки представлены с оборотными сторонами и текстами писем.

Из истории тамбовской открытки

Первая в мире открытка с отпечатанной на ней маркой выпущена, как считается, в рамках почтовой реформы 1 октября 1869 года в Австро-Венгрии. В

России первая открытка увидела свет в 1872 году; фотооткрытка (с изображением на лицевой стороне) — в 1895-м. До 1894 года монопольное право выпуска карточек принадлежало почтовому ведомству. 19 октября вышел указ, разрешавший использовать бланки открытых писем частного изготовления. Многие российские издательства печатали открытки в странах Западной Европы, где качество полиграфической промышленности было выше.

Для того чтобы фирмы и частные лица стали пользоваться открытыми письмами, необходимо было, чтобы общество согласилось сделать доступной часть информации, связанной с частной жизнью и коммерческими делами. Встретив сначала общественное сопротивление, новая форма общения вскоре стала традиционной в городской среде. О том, как быстро вошла она в жизнь России, говорят цифры: если в 1890 году выпустили 26 миллионов открыток, то в 1910 году — 337 миллионов.

Ранее считалось, что первые видовые открытки города Тамбова стали издаваться в 1900 году, а самая ранняя из них, помеченная почтовым штемпелем «Тамбов, 5 марта 1900 г.», хранится в фондах Тамбовского областного краеведческого музея. Однако частной коллекции Дмитрия Гнатюка принадле-

благодаря изображению достопримечательностей образы запечатленного здания или места, где они находились, в сознании общества соединялись в единое целое. Почтовые карточки способствовали популярности недвижимых объектов, их узнаванию, закреплению представлений о том, что именно эти сооружения являются наиболее выдающимися среди себе подобных. Особенно большое значение открытки имели в деле популяризации зданий, построенных в начале XX века.

Видам губернского Тамбова посвящено около 900 дореволюционных открыток, которые можно разделить на тематические группы: панорамы площадей, улиц, бульваров; архитектурные ансамбли, отдельные здания и их интерьеры; парки, пруды, реки Цна и Студенец; исторические события; приветствия (сувенирные открытки). В свою очередь фотокарточки с видами зданий могут быть поделены на изображения: храмов, губернских учреждений, железнодорожного вокзала, учебных заведений, больниц и приютов, доходных домов, хозяйственных зданий, инженерных сооружений и другие.

Одну из групп составляют открытки с общими видами Тамбова, на которых представлены панорамы города, площадей и улиц. Среди них: вид Соборной площади; панорамы, открывавшиеся с колоколен Спасо-Преображенского собора, Казанского монастыря и Троицко-Никольской церкви, с пожарных каланчей Варваринской площади и улицы Дворянской; перспективы центральных улиц — Большой-Дворянской, Дворянской, Гимназической, Носовской; виды набережной реки Цны и городских окрестностей.

Другой большой группой являются карточки, на которых запечатлены публичные здания: Спасо-Преображенского и Христорождественского соборов, Казанского и Вознесенского монасты-

поскольку многие здания снесены в советский период.

Об интересе в начале XX века к русской храмовой архитектуре свидетельствует указ Синода № 8770 от 2 ноября 1902 года. В нем говорилось, что в мире возник интерес к «русско-православному зодчеству», поэтому всем епархиям предписывалось собрать фотографии древних и примечательных церквей, отпечатанных на почтовых открытых письмах. В Тамбовской епархии такая работа проводилась секретарем духовной консистории А. Андриевским.

На дореволюционных открытках часто изображались пассажирские здания вокзалов, которые во второй половине XIX — начале XX века, времени раз-

Тамбовъ.

Общій видъ города.

Магасинъ П. С. Москва.

Тамбовъ. Общій видъ.

Трегуляевъ Монастырь.

Окрестности Тамбова.

рей, Покровской и Уткинской церквей, Дворянского собрания, железнодорожного вокзала, гостиного двора, банков, институтов, гимназии, училищ и приютов, духовной семинарии, гостиниц, Базарной площади, Воронежской заставы, Трегуляевского монастыря.

Несмотря на то, что на рубеже XIX—XX веков памятники церковного зодчества по общественной значимости перестали преобладать над светской архитектурой, все равно они продолжали представлять собой один из главных объектов изображений на почтовых карточках. Во-первых, храмы и колокольни по-прежнему оставались наиболее выразительными архитектурными сооружениями населенных мест; во-вторых, помещение их на открытках продолжало ранее существовавший обычай показа православных святынь на иконах и гравюрах, демонстрируя устойчивость традиции, которая определялась христианской верой и идеей паломничества. Сегодня открытки с запечатленными на них церковными объектами уникальны,

вития железнодорожного транспорта, называли «соборами нового века». Их здания впечатляли современников монументальностью и новизной архитектуры. Кроме того вокзалы были местом, где можно было быстро приобрести открытку по прибытии или во время отправления поезда.

Виды новых зданий, построенных на рубеже веков, стали воспроизводиться на открытках чаще, чем образцы архитектуры предыдущих эпох. Именно поэтому стало складываться представление о Тамбове как городе модерна, хотя он обладал строениями разных стилей нескольких веков. К сожалению, в объектив фотографов не попала большая часть деревянной архитектуры, которая представляла большой интерес в качестве отдельных объектов и как элемент среды застройки.

При выборе сюжетов для открыток их производители ориентировались на спрос путешествовавших людей — отдыхавших или командированных. Издавались и переиздавались виды наиболее ча-

сто посещаемых, общественно-значимых, выразительных и интересных для современников точек города. Распространение карточек способствовало росту популярности запечатленных на них недвижимых объектов.

Если человек по образу жизни или достатку не мог совершать путешествия, открытки позволяли делать ему это заочно, знакомя с культурой разных городов и стран, их достопримечательностями, разнообразием растительного и животного мира, современной техникой. Открытки выполняли образовательную и воспитательную роль — умножали знания, расширяли кругозор, раздвигая границы сознания. Видовые карточки воспитывали и художественный вкус — учили находить прекрасное в окружающей повседневной жизни.

Открытки, на которых запечатлены памятники истории, культуры и архитектуры, имеют огромное значение для научно-реставрационной деятельности. Они показывают, какими здания были ранее — их общий вид, особенности декоративных элементов, окраску фасадов, что позволяет достоверно реставрировать, реконструировать или воссоздавать их облик. К примеру, фотооткрытки, на которых показан особняк фабриканта М.В. Асеева, построенный по проекту московского архитектора Льва Кекушева, свидетельствуют, что здание имело более сложное и тонкое внешнее оформление, чем то, какое оно получило после реставрации 2015 года. В процессе научной реставрационной работы, видимо, не был выявлен и изучен большой пласт изобразительного материала, связанного с почтовыми карточками.

Часть сохранившихся открыток, иллюстрированных фотографиями достопримечательностей, доносят до нас облик отдельных зданий, монументов, ансамблей, градостроительных комплексов,

ценных городских и природных ландшафтов, которых сегодня уже нет или которые изменены в процессе человеческой деятельности. Пока сохраняются такие изображения, эти объекты нельзя считать навсегда утраченными, несмотря на отсутствие материальной оболочки. Если то или иное здание продолжает существовать в научно-информационном пространстве, тем более зримо запечатленным на открытках, то оно, так или иначе, оказывает влияние на представление о городе.

Тамбов конца XIX — начала XX века предстает на открытках в многообразии своей жизни, во всех основных проявлениях — с особенностями планировки и застройки улиц, с площадями, ансамблями и памятниками архитектуры, общественными событиями и торжествами, бытом и обликом горожан, пейзажами рек Цны и Студенца. По фотографиям на открытках можно составить общую картину, определяющую лицо — своего рода портрет губернского центра, каким он сложился перед 1918 годом. Работа по выявлению неповторимого образа Тамбова сегодня имеет ценное практическое значение, поскольку может способствовать созданию концепции развития города при условии сохранения его идентичности, историко-культурного наследия.

В качестве иллюстрации к статье использованы открытки из частной коллекции Д. Гнатюка.

МАРИНА КЛИМКОВА

искусствовед, автор пяти монографий по истории культуры тамбовского края.

Сергей Кочуков

Краеведение

РОЗОВЫЕ СНЫ ТАМБОВСКОГО КОНЕВОДСТВА

В XVIII и XIX вв. Тамбовская губерния в силу природно-климатических, социально-экономических и географических условий становится наиболее благоприятной для развития отечественного коневодства. В России в те времена насчитывалось - 2,5 тысяч конезаводов, из них 321 — в тамбовском крае. По количеству лошадей на квадратный километр (версту), а также числу лошадей на каждые 100 жителей губерния занимала первое место в России, опережая по этому показателю родину орловского рысака Воронежскую губернию и абсолютно «конную» область Войска Донского,

Тамбовщина становится признанным лидером в торговле лошадьми, включая международную. На конные ярмарки в губернии приезжают купцы из Европы, Персии, Турции, миллионные обороты имеют многие конные ярмарки. Наиболее значительные из них проводились в Лебедяни, Тамбове, Козлове, Уварове, Мучкапе, Рассказове, Лысых Горах.

Каждая десятая лошадь, проданная из России за границу, была рождена в Тамбовской губернии. Край также стал крупнейшим в стране поставщиком лошадей для комплектования армейской кавалерии и гужевого транспорта в столицах и больших торгово-промышленных городах Нижнем Новгороде, Самаре, Харькове и других.

Первый в России ипподром был организован в 1826 году в Лебедяни Тамбовской губернии (ныне Липецкая область) и только через восемь лет появился ипподром в Москве. В 1837 году открыт ипподром в Тамбове. Именно в этом году наш Тамбовский ипподром отмечает своё 180-летие! Сейчас после десятилетий упадка он постепенно начинает восстанавливаться, практически заново отстроены беговые дорожки, возрождаются традиционные соревнования и испытания лошадей. Только одно тревожит многих любителей конного спорта, не превратился бы он в очередной торгово-развлекательный центр, с которыми в областном центре и без того явный перебор.

Но обратимся вновь к нашему курсу в историю коневодства и конного спорта на Тамбовщине. Наряду с герцогами Лихтенбергскими, известнейшими в стране фамилиями Воронцовых-Дашковых, Воейковых, Вырубовых Сабуровых, Рахманиных, Енгальчевых, Апраксиных, Волконских и других разведением породистых лошадей занимались хозяйства многих тамбовских государственных крестьян: Н. Шишова, С. Куренкова, Т. Шатилова, Я. Феоктистова, Ф. Тафинцева, И. Клеменова, Г. Андрианова, А. Попова и многих, многих других.

Славя тамбовских лошадей ещё в первой половине XIX века перешагнула границы губернии. Так, жеребец по кличке Лебедь Лавровского конного завода в 1829 году стал первым Российским чемпионом. В 1904 г. на конезаводе Афанасьева под Ржаксой родился Крепыш - «Лошадь века». Это самый знаменитый орловский рысак в дореволюционной России. 13 рекордов на московском и петербургском ипподромах с 1907 по 1912 гг. Последним дореволюционным рысаком-рекордсменом стал появившийся на свет в 1914 году на тамбовской земле на конном заводе Лежнева жеребец Злой Гений.

В разные годы в Тамбове квартирова-

ли Нижегородские драгуны, Переясловские конные егеря, Нарвские и Сумские гусары, Волынские уланы...

В 1862 году в западной части Тамбова были построены казармы и конюшни для дислоцирующихся здесь кавалерийских подразделений русской армии. Этот район города стал настоящей Меккой конников и любителей конного спорта. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь обратиться к названию улиц в этом районе: Кавалерийская, Эскадронная, Стреленная, Ипподромная.

С 1903 г. здесь размещался седьмой кавалерийский полк и именно на смотре этого соединения впервые прозвучал марш «Прощание славянки», написанный капельмейстером этого полка Василием Агапкиным. Не менее известный военный музыкант и композитор Илья Шатров, автор вальса «На сопках Маньчжурии», уже в советское время возглавлял оркестр Тамбовского кавалерийского училища, располагавшегося в тех же казармах. Не случайно памятник этим двум русским офицерам, выдающимся музыкантам стал подлинным украшением Тамбова.

О тамбовском кавалерийском училище им. Первой конной армии следует сказать особо, потому, как с ним связана история развития отечественного конного спорта. В 1942 году это училище было эвакуировано в город Шадринск Курганской области, а в послевоенные годы дислоцировалось в Кирсанове, в старых кавалерийских казармах, построенных ещё в 1886 году.

В этом училище служил Василий Тихонов, майор кавалерии, мастер спорта СССР, Заслуженный тренер РСФСР, участник XV Олимпийских игр в составе команды страны по выездке. Он вырастил плеяду замечательных спортсменов в конном спорте и современном пятиборье.

Среди них Антон Жагоров (1914 — 2002 гг.) — советский спортсмен и тренер по конному спорту, Заслуженный тренер СССР, заслуженный тренер РСФСР, 17-кратный чемпион России и 8-кратный чемпион Советского Союза по троеборью и выездке. Он окончил Тамбовское кавалерийское военное училище имени Первой конной армии, в которое поступил в 1936 году. Даже в 1983 году тренер сборной команды Дона в финале VIII летней Спартакиады народов СССР 69-летний Жагоров стал бронзовым призером в таком сложном виде, как выездка.

На протяжении 1947-1952 гг. сильнейшим в стране мастером высшей школы верховой езды по праву считался подполковник Николай Ситько. Позже он переключился на тренерскую работу и подготовил первого советского олимпийского чемпиона по высшей школе верховой езды Сергея Филатова и призера нескольких

Олимпийских игр Ивана Калиту. Оба олимпийца стали заслуженными мастерами спорта, а Ситько - заслуженным тренером СССР. Все эти офицеры - создатели советской высшей школы верховой езды.

Сергей Филатов (1926-1997 гг.) выиграл первое в истории советского конного спорта золото в личном первенстве на Олимпийских играх в Риме. Это было в 1960 году. Он гарцевал на вороном ахалтекинском жеребце Абсенте, а также на его счету две бронзовые медали на Олимпиаде в Токио - (1964 г.) одна в личном, другая - в командном зачете. Сергей Филатов родился в селе Лысые Горы Тамбовского района, закончил Тамбовское кавалерийское училище. Несколько лет преподавал в нем. Семикратный чемпион СССР с 1957 по 1963 гг., награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Ещё одним из самых прославленных советских конников стал наш земляк из с. Б. Алексеевка Козловского уезда Иван Калита (1927-1996 гг.).

Многочисленный чемпион СССР, чемпион мира

1970 г., Олимпийский чемпион в Мюнхене (1972г.), серебряный и бронзовый призер Олимпиад в Токио и Мехико. Участвовал в пяти (!) Олимпийских Играх, на последней, в 1976 г. выступал в возрасте 50 лет, и стал самым возрастным участником во всех видах спорта за всю историю СССР.

Традиции конного спорта на Тамбовщине сохраняли и приумножали спортсмены и тренера Тамбовской конно-спортивной школы общества «Урожай», Петр Григорьевич Байдин, Павел Иванович Парецкий (все бывшие офицеры-преподаватели Тамбовского кавалерийского училища). На смену им пришли троеборцы и конкурсты Юрий Шабанов, Евгений Ковалев, Ирина Бирюкова, Александр Телепин, Эдуард Световский, Алексей Попов, Андрей Спицин и другие.

Сегодня хороших спортивных результатов добиваются Светлана Алешина, Федор Антохов, Марина Колодина. Немало собственных сил и средств вкладывают, чтобы сохранить традиции конного спорта на Тамбовщине (да что там традиции — само существование этого спорта в регионе) Валерий Михайлов, Александр и Галина Телепины, Светлана Исаева, Павел Обидин.

Навсегда останутся в памяти имена наездников нашего ипподрома старшего поколения Александр Исаева, Федор Коломина, мастерство которых восхищало тамбовчан. А русские тройки, созданные Николаем Исаевым и Геннадием Дворецким! По подбору коренников и пристяжных, по срезженности, по убранству им долгие годы не было равным в СССР. Именно они поражали многочисленных зрителей во время торжественных мероприятий на Олимпийских играх в 1980 г. Не перестают радовать тамбовчан и гостей тамбовского ипподрома их потомки и последователи мастера-наездники Александр Исаев (младший), Николай Любимов, Андрей Харченко и другие.

Автору посчастливилось многих из них знать лично и до сих пор у него остается восхищение от высочайшего профессионализма, доброжелательности к людям и бесконечной преданности избранному в жизни пути, служению лошади и конному спорту.

На память приходят 90-е годы, когда дядя Коля Исаев, Геннадий Дворецкий, не получая зарплату, не имея денег даже на сигареты, крутили «козьи ножки» махры, оставались при деле, «воровали», где только можно солому и сено, ездили на хлебзавод за бракованным неликвидным хлебом, чтобы только сохранить своих питомцев - элитных рысаков своих троеборных подразделений.

И последнее. У автора хранятся чертежи и схемы государственно-заводской конюшни, построенной всего за два года в 1903 году. К уникальному проекту приложили руку известнейшие архитекторы того времени А. Четвериков и П. Зенченко. Не случайно уже при советской власти здание «круглой» конюшни признано памятником архитектуры. На его строительство Тамбовское земское собрание ассигновала чуть более 45000 рублей. Сегодня это здание, как и весь комплекс сооружений на ул. Пролетарской, приходит в полный упадок. Отчего так? Построенное при «проклятом» царском режиме, бережно хранимое при не менее критикуемой ныне советской власти, а сегодня до этого уникального здания никому нет дела? Кто-то словно ждет, когда здания придут в полную негодность, чтобы заполучить лакомый участок в центре города. Да нет, любители конного спорта Тамбова вовсе не цепляются за архаизмы прошлого, вовсе не против строительства красивых новых сооружений. Просто очень желают, чтобы тамбовским детям была оставлена возможность хоть раз в жизни «проскакать на розовом коне».

Олег Алешин

За чашкой чая

Жа Бианковской улице

Она жила через дорогу. Тетушкин видел её почти каждый день, когда неторопливо по другой стороне улицы шел на службу.

Обычно в половине десятого незнакомая женщина выходила из своего дома и садилась за руль машины, которая была припаркована на первой полосе дороги.

Тетушкин, страдавший легкой близорукостью, всегда мучился навязчивым желанием неспешно разглядеть женщину, поэтому около автобусной остановки замедлял шаг, сощурился глазами, но времени всегда не хватало: через пару минут машина срывалась с места, и он начинал ждать завтрашнего дня, чтобы в очередной раз попытаться поймать её взгляд. Но незнакомка его не замечала, а может быть, и вовсе не хотела этого. Кто знает?

Он всегда ходил на работу пешком по нечетной стороне улицы, где еще уцелели старинные дома, похожие на обедневших дворян: вытянутые по екатерининской линии, они даже в жалких обносках фасадов сохраняли благородство.

Сыроватая тень от красных кирпичей приятно холодила тротуар провинциального города, где была только одна единственная улица, делившая Эвклидовск пополам.

Никто из горожан толком не знал, почему именно так называется их городок. Одни краеведы доказывали, что он именован в честь знаменитого древнего геометра Эвклида, другие — утверждали, что этимология слова восходит к цветку эвкалипту, третьи... Да, что там говорить, у серьезной науки семь пятниц на неделе.

Следовательно, одна часть эвклидовчан проживала на нечетной стороне улицы, которая, кстати, называлась Фиалковой, а другая — на четной.

Казалось, что эти две части города живут обособленно друг от друга. Поэтому на оживленной автодороге не было ни одного пешеходного перехода. Ведь никому в голову не приходила мысль, перейти с одной стороны улицы на другую. Да и зачем? Одни горожане жили своей жизнью, другие — своей.

Даже природа подчинилась здешнему миропорядку. Тетушкин заметил, если дождь идет с его стороны улицы, то на противоположной светит солнце и наоборот.

Кстати, он любил дождь, наверное, потому, что это был повод, встать под небольшой ажурный навес цветочного магазинчика. Отсюда хорошо был виден белый дом, где жила незнакомка.

Продавщица цветочного магазина давно заприметила Тетушкина. Она с раздражением распахивала входную дверь, пытаясь вытолкнуть его на дождь: «Нечего здесь стоять, если ничего у нас не покупаете».

Мужчина покорно входил в магазин и через пару минут возвращался под ажурный козырек, но уже с горшочным цветком — фиалкой. Других цветов, кажется, в магазине и не продавали.

В его рабочем кабинете, а служил он в городском управлении образования, собралось уже немало цветов из этого магазина. Возможно, из-за них коллеги за глаза называли Тетушкина «Наш ботанический сад», хотя он когда-то преподавал геометрию в местной гимназии. Но через двадцать лет Тетушкин все же

дослужился до крохотного кабинета в самом конце длинного и темного чиновничьего коридора.

Девятого дня пошел сильный дождь. Тетушкин, как обычно стоял под навесом за расчесанными струйками дождя, но женщина в половине десятого, увы, не появилась...

День для него был испорчен окончательно. После работы он вышел на улицу и побрел куда-то.

Хотелось водки. С недавних пор Тетушкин стал ловить себя на мысли, что ему нравится мешать в одном стакане водку и одиночество. Поэтому специально стал время от времени заходить в уютное кафе, где ценник начинал лаять, как дворная цепная собака, сразу после пары выпитых рюмок. Это и удерживало его от третьей и последующих попыток, как он говорил «изменить себя к лучшему». Поэтому не было смысла долго засиживаться.

Чуть захмелевший Тетушкин побрел через одичавший парк, заброшенный стадион и оказался во дворе чужого дома. Здесь он сел на скамейку.

Стало темнеть. Из открытых окон доносился звук посуды: горожане собирались ужинать и смотреть телевизор, пытались хоть как-то сдобрить уходящий навсегда пресный провинциальный вечер.

В одном из окон на первом этаже, рядом с козырьком второго подъезда, вдруг погас свет, но через несколько секунд вспыхнула настольная лампа, стоявшая на подоконнике. Конус света накрыл распустившуюся фиалку.

И вдруг он почувствовал себя мальчиком лет десяти. Неожиданно перед его глазами пошел снег, он белым чехлом заботливо укрыл дворные скамейки, столик, где летом любили мужики играть в домино, крыши деревянных сарайчиков,

которые хранили милый хлам прошлого, низенький штaketник палисадника. Желтый свет из окна вывалился невесомым куском на свежий снег.

Мальчик не решался близко подойти к окну, но с того места, где он стоял, была видна полированная волна кабинетного рояля, большой в тяжелой раме чей-то женский портрет, висевший на светлой стене, люстра с причудливыми бронзовыми узлами.

Ему было уютно стоять у этого окна, выжидая, когда знакомая девочка выйдет во двор из подъезда.

Мальчику не хотелось возвращаться домой, в семейное общежитие, где пахло помойными ведрами, сигаретным дымом, а на общей кухне гремели костяшки домино.

Он никогда не решался в своем стареньком пальтишке подойти к этой девочке, а теперь и вовсе: на днях не стало её мамы.

Перед ним захлопнулась какая-то дверь, которая до недавнего времени хоть немного, но была приоткрыта, откуда доносились благородные звуки музыки, чуть суетливое позвякивание чайного сервиза, каждый предмет в этом доме источал какую-то белоснежную фарфоровую радость.

Он ощутил, что по ту сторону окна никогда уже не будут жить как прежде, немота и согбенные тени теперь заселили этот дом...

Мальчик увидел, как в тот зимний вечер распустилась фиалка на подоконнике.

Тогда он записал в своем дневнике чьи-то взрослые слова: «Чужое несчастье, как за прочным стеклом разгоряченное животное, бросается на человека и лишь в последний момент невидимая преграда останавливает злобное существо, но наблюдатель поневоле отскакивает в

сторону, не в силах преодолеть какой-то внутренний страх, хотя осознает, что он в безопасности, правда, до поры до времени...»

Мальчик понимал, что через пять, десять, даже двадцать лет его жизнь будет такой же унылой, как краска в подъезде его дома, как скрип его бессонной железной кровати по ночам. И ему не хотелось становиться старше, он как мог, оберегал себя от взрослой жизни. Он не хотел знать её тяжелых тайн.

Он жил среди грубых и безжалостных людей, которые не любили проявление человеческой слабости или сентиментальности, они не признавали изящества ни в вещах, ни в словах, ни в чувствах, ни в отношениях. В их домах ютилась уродливая мебель и посуда. Этих людей выгнала из нищих деревень в грязные города советская индустриализация шестидесятых годов двадцатого века; полуголодные, они нанимались за гроши на стройки, выполняя каторжную работу. Город ничего им не дал, кроме шумных общежитий, где тайком они любили друг друга, а потом женщины чем-то выжигали из своего чрева потомство, понимая, что смерть лучше жизни в двенадцатиметровой комнате на общей кухне, где уже ютилось по пять или шесть семей.

Мальчик не знал другой жизни, но он смутно догадывался, что она есть, глядя в окно этой девочки...

Мужик, чего в чужие окна пялишься? — услышал Тетушкин чей-то голос со второго этажа.

И он поспешил уйти со двора.

Утром заморосил первый осенний дождь. Тетушкин стоял под ажурным навесом цветочного магазина и ждал появления незнакомой женщины, зная, что никогда не сможет перейти на другую сторону улицы.

Царь рыба

Виктор Остриков, известный скульптор. Родился в Уральске. Отец кубанский казак, мама — крымская гречанка. В конце 70-х годов прошлого столетия Виктор Сергеевич несколько лет прожил среди уральских казаков. Он собрал уникальный материал об их быте и культуре. Большая часть материала легла в основу его повести «Остров атамана Харко». Сегодня читателям «РГ» мы предлагаем отрывок из этого произведения.

...Створки двери раскрылись, и в проём сиреневого вечера вплыл широкий серебряный поднос, который тут же занял центр стола.

Разваренная голова севрюги, скрученные кишки, брюшко, печень и другие части огромной рыбы парили так, что можно было наестся только одним этим терпким ароматом. Он пробудил во мне подзабытые времена казачьего застолья.

Только через некоторое время осознал, что в светлицу вошел Микола с царской рыбой. За его спиной пряталась пожилая женщина. Когда он отошел в сторону, то заметил в её руках тарелку, в которой гнезилось еще какое-то невиданное мной угощение, обильно политое сливками.

Парасковия Семёновна! Моя мама! — объявил Микола, положив свою тяжелую руку на её худенькие плечи.

А это Юрий и Виктор из Уральска — торжественно он представил нас хозяйке дома.

Старушка смущенно улыбнулась каждому из нас. Пожелав приятной трапезы и перекрестив казаков, она тихо вышла.

Микол, а что она не сядет с нами? — спросил я.

Нет. Не ест она такую еду. Вечерить в своё время. Да и мужикам мешать не желат в разговоре. Да и пирог там подходить следить надо, ответил он.

И взяв нож, Микола стал резать на квадратiki лоснящуюся лепёшку, что принесла Парасковия Семёновна.

Ну, что Юрий, давай — разливай, составляя в круг гранённые стаканы, командовал за столом наш товарищ.

А я пока что нарежу прессованную икру. Ты такое пробовал? — обратился уже ко мне Микола.

И не дожидаясь ответа, хозяин торжественно произнес: «Точно нет! А вот сейчас и испробуешь».

И тут же подмигнул казаку Тимо-

фею. А тот, предвкушая какой эффект произведёт это блюдо на нас, чудно елозил по краю топчана.

Чтобы икра не прилипла к ножу, Микола предусмотрительно окунал его в сливки. После хитроумной операции пара десятков кубиков развалились в разные стороны: крупные зёрна, как спелые смородины, проглядывали сквозь ручейки густых сливок.

Юра в это время булькал по гранёным стаканам, а Тимофей контролировал точность разливки. Это священнодействие он, наверняка, любил сам, но на этот раз из-за уважения доверил важную процедуру гостю. Но от волнения Тимофей ежесекундно, то вскакивал с топчана, то снова на него усаживался.

Когда всё было приготовлено, Микола встал. Он, молча, обвел стол взглядом. Потом неспешно осенил себя крестным знаменем. За ним воздух прочертил Тимофей и Юрий. Невольно и моя рука коснулась лба.

— Отче наш, Иже еси на небесах... Очи всех на тя, Господи, уповают, и Ты даёши им пищи... бормотал Микола.

Наконец, закончив, он командовал: «Мужики, разобрали стаканы и быстро вилочкой кубик накололи. Ну, кто тост скажет?».

Первым вызвался Тимоха. Он расправил плечи и вытянулся. Переводя взгляд со стакана на всех собравшихся за столом, наш товарищ нудно начал речь: «Я издавна, ещё с детства, дружил с Миколой. Ещё его дед Стахей нас молодых уму разуму учил. И до сих пор я уважаю Миколу Силуяновича. И гостей его, что к нему желают наезжать...»

Микола знал, что речь соседа будет долгой, как пустая поклевка, и поэтому не брал стакан, а с улыбкой слушал речь.

Вы приехали вовремя. Пошла путина! Покажем, как её ловят казаки и запас делают, продолжал тост Тимоха,

то и дело поглядывая на Миколу.

Его друг одобрительно кивал.

Ныне не как в давние времена. Нам не дают её и считают нас «браконьерами». Мы, казаки, не согласны! Это наша река и что в ней тоже наше! Мы в разуме берём. Должное нам! — говорил и говорил Тимоха.

Стаканы уже вспотели, как наши лбы.

И пью, наконец, за нашу реку, за наш Урал! — подытожил рыбак.

Едва закончив речь, он растянул губы в блаженной улыбке на краю стакана, при этом его растрёпанный чуб сполз к затылку.

Ух, едрёна рыба! Во зараза! Вкусна до невозможности! — приговаривал он, поставив стакан на стол.

Его глаза заискрились. Чёрный чуб с рыжим отливом стал похож на гребень молодого кочета. Тимохин вид говорил, что он любит весь белый свет.

Вот только теперь Микола поднял стакан и сказал: «С приездом!»

И залпом опрокинул содержимое в широкий рот.

Я пытался повторить, но не мог одолеть. Юрий, оправдывая меня, сказал: «Витёк столько ни разу не пил. Может когда и научится».

— Ну, художник, бери кубик и в рот. Жуи! — с отеческими нотками проговорил Микола.

Осторожно наколов упругую икру, я положил её в рот и стал медленно пережёвывать. Чуть солоноватая в «алмазных сливках», как говорил поэт Мандельштам, она не прилипла к зубам. Вот так целиком, как ириску, я её вкушал впервые.

— А теперь за потрошки! — продолжал командовать хозяин стола.

И мы подняли стаканы, загодя наполненные Тимохой.

Микола большой ложкой в форме совковой лопаты положил мне в тарелку

часть головы осётра, скрученные кишочки и кусок печени.

Руками, забыв о ложке, я вкладывал вкуснейшее жирное желе себе в рот. С утробным чавканьем облизывал пальцы, по которым обильно струился рыбий жир. Хрящики головы хорошо проварились и легко поддавались молодым зубам.

Микола отломил лепёшку и указал на горку нарезанного лука.

Лучок бери, а то пронесёт от жира с непривычки. Огурчики солёные. Правда, кисловаты, но с жирной рыбой как раз, — наставлял он меня.

После очередной порции потрашков Микола стал рассказывать о своих охотничьих подвигах: «Как — то зимой ходил на кабана, подранил и гонял его на лыжах по глубокому снегу. Тот не вытерпел такого нахальства и пошёл назад по старому следу. Я еле успел отвалить в сторону. Упал плашмя в снег. Кабан за двести кило весом прошёл по мне, как трактор. Поломал лыжи и хряпнул за приклад, что успел выставить ему в рыло. Только на следующий день с бригадой охотников добрали его. В калгане, после разделки, нашли не одну заросшую пулю. Таки дела бывает, когда идёшь на зверя».

— А вот у нас с Витёком, ещё по молодости, такая незадача вышла — начал с жаром Юрий, — где-то к годам шестнадцати я смастерил перемёт метров на сто. Решили опробовать. Оплатили за поездку по рублику и с заводскими рыбаками на субботу, в воскресенье мотнули на Урал.

Это как же у те вышло? — воскликнул Тимоха.

В запале он раскинул руки и чуть не смёл стаканы со стола.

Сядь! И грабли убери — засмеялся Микола, — ишь каков впечатлителен. Казак он или нет?

«Ну, вот — вытирая жирные губы лепёшкой, продолжал мой товарищ, — мы на ночь поставили, как и положено, перемёты крючков на сто. Орудовали на раскладной деревяно — брезентовой лодке. На песчаном обрыве завезли снасти на красную. Мужики над нами смеялись. Но мы с Витёком по молодости были упёрты. Всё делали наоборот. Вдобавок для якоря нашли небольшое колесо от трактора. Утром, как сошёл туман, мы на ту сторону. Проверять. А там здоровенный осётр кило на тридцать пять. Я его на себя, а он меня по склону вниз. Давай орать: «Витёк! Тащи!»

Теперь и мне не терпелось рассказать о своей версии этого приключения: «Я схватил шнур и сдуру потащил на обрыв Юрка и севрюгу, не обращая внимания на вопли. Оказывается, один из крючков впился Юрку под колено. Тот выскочил вперёд меня. Сел на рыбину верхом и продолжил орать: «Руби! Руби ей голову!» Не знаю, как в азарте не отрубил ему пальцы? А Юрок всё орал верхом на рыбине. Только потом поняли что к чему. Оказывается, Юрок на шипах осётра все это время подпрыгивал, а слезть с него не мог».

Вдруг Тимохины кулаки не выдержали и загуляли по разряженному столу...

ЮБИЛЕЙ У КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

Дмитрий Гнатюк, коллекционер, председатель общественной организации «Тамбовский областной клуб коллекционеров»:

Комментарий

С 1997 года создана Общественная организация «Тамбовский областной Клуб коллекционеров», которая уже 20 лет объединяет Тамбовских коллекционеров. Общество сохраняет традиции предыдущих поколений коллекционеров, объединяет коллекционеров по разным направлениям, самых разных возрастов. В музеях области проходят выставки, на которых выставляются экспонаты из коллекций членов Общества.

Самые крупные и наиболее широко освещенные прессой: в 2013 году в Музейно-выставочном центре Тамбовской области историко-краеведческая выставка открыток с видами городов Тамбовской губернии конца XIX — начала XX веков «Тамбовская губерния. В самом сердце России». Выставка была организована Общественной организацией «Тамбовский областной Клуб коллекционеров» и посвящена Году культуры в Тамбовской области.

В 2016 году в музейном комплексе «Усадьба Асеевых» уникальная выставка более 600 антикварных открыток с видами городов Тамбовской губернии начала прошлого века. Уникальность выставки

заключалась в не только в том, что на ней представлены редчайшие старинные открытки, но и в том, что выставка подготовлена тамбовскими коллекционерами — членами общества, и ранее эти экспонаты практически недоступны широкой публике.

Кроме перечисленных, с участием членов Общества проводятся и множество менее масштабных, но очень интересных выставок.

Все чаще, предметы из коллекций членов Общества используются авторами книг, как иллюстрационный материал, в пример подобного сотрудничества можно привести книгу «Соборная площадь города Тамбова издание 2е» автора М. Климковой.

Сегодня, Обществом достигнута договоренность с ведущими музеями г. Тамбова, а так же других городов области о совместной деятельности, что дает возможность широкому кругу зрителей увидеть уникальные экспонаты из собраний частных коллекций.

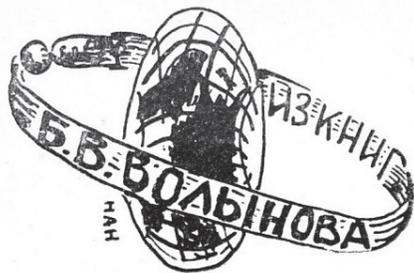
На данный момент в Обществе около 40 зарегистрированных членов, однако людей посещающих собрания гораздо больше. Клуб, в первую очередь, это площадка для общения и обмена опытом.

Кто-то приносит новые приобретения, иногда ранее неизвестные в городе, кто-то может дать совет по нахождению материалов для коллекций, их систематизации и хранению.

Нельзя сказать, что у Общества отсутствуют проблемы. Одна из основных утерянная система, построенная во времена СССР, когда культура коллекционирования (сбор материала, его хранение и систематизация) прививалась с детства в рамках кружков, например, филателистических.

В планах на юбилейный 2017 год создание сайта Общества, который должен стать еще одной площадкой для общения и обмена опытом, выпуск альманахов о достижениях коллекционеров, а так же укрепление и создание новых связей с обществами других регионов. Все эти мероприятия будут направлены, в том числе, и на повышение культуры коллекционирования.

Свои собрания Общество проводит каждую субботу с 10 до 12 час., по адресу г. Тамбов, ул. Державинская, д. 3, в здании Тамбовского областного краеведческого музея, куда приглашаем всех желающих.

Экслибрисы Виктора Ардова

В тему

В России родоначальником коллекционирования принято называть Петра I, который оставил потомкам великолепные шедевры искусства и культуры. Как тогда, так и теперь, коллекционирование служило больше сохранению вещей, чем их накоплению, и в этом именно состоит его задача и изначальная культурно-историческая функция.

Страстными коллекционерами были многие писатели. У Гете была крупнейшая коллекция минералов, а Вальтер Скотт собирал холодное оружие разных стран и народов. И.С. Тургенев — заядлый шахматист — оставил после себя в коллекции 14 комплектов шахмат. Н.А. Некрасов собрал 64 вида охотничьих ружей. А.С. Пушкин увлекался собиранием газет. Анатолий Франс владел крупнейшей коллекцией настольных колокольчиков. Страстным собирателем курительных трубок был Илья Эренбург, а Михаил Булгаков собирал билеты от всех спектаклей, которые он посетил. Жюль Верн собирал карты и путеводители, Артур Конан-Дойль коллекционировал рекламные буклеты транспортных контор, пароходных компаний и страховых агентств. Изначально, коллекционирование в России было привилегией зажиточных сословий — дворян и купцов, однако, очень часто эти коллекции становились основой известных музеев, таких как Третьяковская галерея.

Любопытно

В Тамбовской губернии так же были известные коллекционеры. Такие как Воейков Леонид Алексеевич, библиофил, библиограф. Сын героя Отечественной войны 1812 года, флигель-адъютанта государя-императора Александра I генерал-майора А.В. Воейкова, внук выдающегося деятеля русской культуры конца XVIII в. Н.А. Львова (архитектора, музыканта, поэта, художника и издателя), его имение было средоточием культурной жизни, его часто посещали художники В.Д. и Е.Д. Поленовы писали здесь свои этюды маслом и акварелью — Всероссийскую известность Л.А. Воейков снискал, как собиратель русских гравированных портретов. Его коллекция по полноте и редкости листов была одной из лучших, а собрание портретов Екатерины II не имело себе равных в России. Ему дарили свои труды такие знатоки

Знай наших

Одним из самых известных наших современников, причастных к исследованию тамбовской тематики, был краевед, журналист и коллекционер Николай Алексеевич Никифоров (1914—2003), который родился в Тамбове и с 15 лет увлекся коллекционированием: собирал всё, что имеет отношение к тамбовскому краю. Его интересы были удивительно широкими — собиралось все: марки, автографы, экслибрисы, книги, гравюры, живопись,

гравюр, как директор Императорского Эрмитажа А.А. Васильчиков, автор уникального «Полного словаря русских гравированных портретов» Д.А. Ровинский, который включил в свой словарь главу о портретах Екатерины II, написанную Л.А. Воейковым.

В соответствии с желанием Воейкова, в 1894 г. его коллекция передана городу Тамбову, в Нарышкинскую читальню. В настоящее время основная часть коллекции гравюр хранится в Тамбовском областном краеведческом музее, коллекции книг — в краеведческом фонде областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

С конца 19 века в России, широко распространились иллюстрированные открытки, что сделало коллекционирование массовым и доступным увлечением.

В 1906 году было создано тамбовское фотографическое общество, совместно с Художественным обществом с 1910

года, до начала Iй мировой устраивало выставки-конкурсы фотографических работ. В 1912 году в выставке принял участие Евгений Боратынский — внучатый племянник поэта — показав сцены из жизни поэта Алексея Жемчужникова в Тамбове.

В 1924 году создается Тамбовское губернское общество краеведов (1924—1931). В обществе рассматривались вопросы изучения природы и культуры местного края.

В списках обществ, клубов и кружков коллекционеров СССР за 1963 значится Тамбовское общество коллекционеров.

В 1968 году было создано Тамбовское отделение Всесоюзного общества филателистов, правопреемником которого стало Тамбовское отделение Союза филателистов России.

Чтобы заслужить славу заядлого коллекционера вовсе не обязательно собирать антиквариат.

скульптуру, автобусные и троллейбусные билеты, афиши — своеобразная коллекция-коллекция. Так же он является автором книг: «Поиски и находки: Рассказы коллекционера» и «Поиски продолжаются: Рассказы коллекционера», в которых популяризируется коллекционирование. Никифоров состоял в переписке с коллекционерами всего мира — наиболее известная задокументированная переписка с художником Бурлюком Д.Д..

Н.А.Никифоров создал литератур-

ный музей, в котором был хранителем. Писал рецензии на издаваемые книги и рукописи, рекомендуя к печати через свои отношения в Москве. Сохранились письма литераторов с благодарностями за поддержку издания книг. Состоял в переписке с известнейшими мировыми коллекционерами, обсуждая сам феномен коллекционирования — что это дает как для коллекционера, так и для общества.

Материал подготовлен
Дмитрием Гнатюком

Почти сатира и юмор

Олег Алешин

Синоптик

I.

- Карта погоды составлена по данным, которые мне предоставил дежурный метеоролог. Да, по моим расчетам должно быть ясно. Почему идет дождь? Не знаю! - раздражено отчитывался по телефону перед начальством Илья Андреевич.

Громову часто, как сейчас говорят, влетало за неточные прогнозы. А погода в нашей стране — дело серьезное. Тем более, хороших дней в году бывает не так много, климат такой, что шесть месяцев — зима. А если лето сырое и холодное, то можно считать — жизнь вообще не удалась. Поэтому люди очень чувствительны к прогнозам погоды.

Громову в очередной раз объявили строгий выговор с предупреждением. Наверное, всё бы обошлось, но в тот злополучный день начальник собрался на рыбалку, понадеявшись на прогноз Ильи Андреевича. Только высокий чин метеорологической службы расчехлил удочку, как вдруг пошел неприятный моросящий дождь. Кто виноват? Конечно, дежурный синоптик - врун и бездарь. Выходные насмарку.

После подобных разбирательств с начальством Громов долго приходил в себя. В такие минуты он запирался в крохотном кабинете, доставал из шкафчика бутылку водки и начинал этой неприятной на вкус и запаха жидкостью протирать ладони, лицо, шею, клавиатуру компьютера — все, что попадало ему на глаза, словно синоптик от чего-то спешно отмывался.

- Что они понимают в атмосферных явлениях? — задавался вопросом Громов.

Кто-то постучал в дверь.

- А это вы, заходите. Положите метеорологические сведения на стол, сейчас займусь расчетами.

Дежурный метеоролог так же вежливо удалился, как и зашел.

Громов три раза перепроверил свои расчеты. Составленная метеорологическая карта упрямо твердила, что в ближайшие три дня — дождь, средняя температура тринадцать градусов по Цельсию, северо-западный ветер, до шести метров секунду. Словом, для начала августа мерзостная погодка.

Синоптик порвал все свои расчеты и, вздыхая, бросил их в мусорную корзину. Вскоре была готова другая карта погоды...

II.

Через три дня его вызвали в центральный офис метеорологической службы.

- Мы с коллегами все перепроверили. Илья Андреевич, мы надеялись, что вы малограмотный специалист. Оказывается, вы лгун, а может быть, хуже того - вредитель. Зачем вы сознательно перевираете погоду? Для вас это может плохо закончиться, — сочился злостью начальник.

- Да что вы понимаете в атмосферных явлениях? — промямлил Громов.

- Просветите меня.

- По моим расчетам погода в нашем захудалом городишке должна быть, такой же как в Тоскане.

- Вот как?!

- Но вы не хотите этого признать.

- Но как можно принять эту глупость, если на улице идет дождь.

- Кажется, что вы всю жизнь просидели в этом кресле, но так и не могли понять, что не природа, а человек влияет на движение воздуха. Наш город - это стоячее атмосферное болото. Я хотя бы пытался, пусть на бумаге, изменить реальность. Возможно, не всегда мне это удавалось.

Вот, вы говорите дождь. Допустим. Но наш город он не делает чище, свежее, напротив, разводит только грязь на улицах, люди надевают плащи, куртки, сапоги и сливаются с серостью домов, им становится невыносимо здесь жить, точнее дышать. Особенно тяжело осенью, когда дни становятся совсем короткими, когда нищенские домишки с покосившимися заборами промокают до нитки, когда старухи за окнами неистово бьют мух на засиженных окнах старыми газетами. В городе не осталось ни одного породистого дома с садом или парком. Неважно светит солнце или идет дождь, все равно атмосфера здесь тяжелая - астматическая. И вы, начальник атмосферных явлений, не хотите ничего сделать, чтобы изменить состав воздуха в нашем городе, - задыхаясь, говорил и говорил синоптик.

- Хватит нести чушь! Вы уволены! Италини ему захотелось! — заорал начальник.

- Да, меня можно быстро и просто уволить. Но кто уволит вас, начальников погоды? - сказал Громов и вышел из кабинета.

Илья Андреевич верил лишь своим прогнозам, поэтому специально не взял зонт, когда собирался у правление погоды. Теперь он шел куда-то по лужам, не обращая никакого внимания на моросящий и занудный дождь.

Юрий Мецераков

Шоколадный трюфель

Мне давно идет шестой десяток, я сдержан, нетороплив, да и куда спешить, если самое главное осталось где-то позади. Теперь вы понимаете мое снисходительное отношение к жизни.

Санёк, мой напарник, моложе меня в два раза, у него свое отношение к этой самой жизни, его азарта и темперамента хватает нам на двоих, но при всех других склонностях он ещё очень любит сладкое, поэтому в нашем кабинете всегда есть конфеты. Они дразняще лежат в розетке на приставном столике рядом с нашими офисными рабочими столами, создают домашнюю непринужденную атмосферу. О-о, в этой розетке всегда есть, чем побаловать свою или чужую слабость. В конце концов, об этом узнали, а потом оценили все сотрудники, читай, сотрудники нашего офиса. Мы — служба безопасности, к нам без стука не входят, да и вообще, к нам лучше не входить, работа у нас такая, не всем понятная. Иногда из центрального офиса поступает необычный запрос, нет ли у нас компромата на такого-то сотрудника или просьба прояснить обстоятельства в отношении другого, подсветить его интересы и связи. Так что лучше не входить, не дергать тигра за усы.

А тут эти конфеты... Слышу быстрый перестук дамских каблучков по коридору, спешащих в операционный зал, в служебные помещения. Иногда он замирает в нерешительности напротив нашего кабинета, и после недолгих сомнений раздается осторожный стук в дверь.

-А можно вас попросить...

Следует пауза, и взгляд посетительницы как бы случайно падает в розетку и мучительно борется с соблазном. Но Санёк галантен. Он джентльмен. Он на расстоянии чувствует невысказанное желание женщины.

-Угощайтесь, конфеты — м-м, сказка, суфле в шоколаде.

Снова стук в дверь.

-А можно...

-Конечно, у нас сегодня трюфели.

И снова стук в дверь. Я бы и сам угостил наших офисных дам, несмотря на свою сдержанность, но не успеваю реагировать, как Санёк. Он успевает, он любит все сладкое, и я его хорошо понимаю, глядя вслед уходящим гостям, точнее, оглядывая их грациозные фигурки.

-Вот, шла за чаем...

-Птичье молоко к чаю, о-очень вкусно...

В какой-то осенний день, когда дождливое небо заглядывало прямо в окно, и настроение было ему под стать, я не выдерживаю.

-Санёк, ты во что превратил наш кабинет? Мы же СБ, мы — уважаемая организация.

-Жалко их, — он виновато потупился, — работа у них тяжелая, а они такие слабые, такие незащитные.

-Ага, молодые, красивые..., незамужние, — я сделал паузу и со значением вздохнул, — ты думаешь я, старый перец, свое отжил и ничего не замечаю, а между прочим, любви все возрасты покорны. Но! Наша работа требует особой ответственности, мы должны стоять на страже безопасности офиса, отсекаать финансовые и репутационные риски, контролировать работу персонала...

В этот момент я гордился собой, я был настоящим занудой.

Очередной стук в дверь. Санёк после недавнего разговора сдвинул брови у переносицы, кашлянул для строгости:

-Войдите.

-Можно к вам.

Это Алиса, самая юная наша сотрудница, ей двадцать два года, у нее стройные ножки и глаза восточной красавицы. И эти глаза устремлены ни на меня, ни на Саньку, а как и положено, в розетку.

-У-у, только леденцы?

У Саньки от удивления, от легкости, с которой прозвучало это «у-у», расширились глаза, и он впервые не нашелся, что ответить.

-Секундочку, Алиса.

Я бросился к шкафу, где на верхних полках хранятся архивные документы, а на нижней — кофе, чай, конфеты, когда это добро только что из супермаркета и еще упаковано. Где-то там, в бумажной глубине, еще утром выкатился из пакета и остался лежать всеми забытый одинокий трюфель в красивой шуршащей обёртке. Действительно, среди папок, среди старых отчетов и справок лежала эта случайная затерявшаяся конфета.

-Вот, Алиса, тебе повезло, держи.

-Спасибо, — она взяла трюфель, моргнула длинными ресницами, предвкушая шоколадное блаженство, потом бросила на меня благодарный взгляд, от которого я чуть не растаял, и убежала.

Тут за своим столом обозначился Санёк, все это время внимательно наблюдавший за мной и за Алисой:

-Что, Виктор Петрович, говорите, любви все возрасты...

-Нет, — я резко прерывал напарника и тоже кашлянул для строгости, — это всё твой тезка Пушкин придумал.

